

С. В. ДАНЬКО

**Логика, смысл и ценность
в перформативном измерении
«Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна**

**1. Существует ли «сфера» нелогических смыслов и ценностей?
Крайности сложившихся трактовок**

Кратко обозначим методологическую установку этой работы, представив ее в контексте известного противостояния «решительного» и «трансценденталистского» прочтения раннего Витгенштейна.

В самом общем виде сторонники «решительного» прочтения считают недопустимой легитимацию особой сферы, в которой, якобы, располагаются невыразимые в языке религиозные, этические или метафизические ценности (к этому направлению относятся, в частности, Я. Хинтиikka, Дж. Агамбен и С. Баррет). Вторая позиция допускает, что в терминах Витгенштейна можно обосновать существование сферы нелогических смыслов и ценностей, постигаемых особым образом (Л. Хьюис, К. С. Пандей, А. Бадью). Наша позиция в наименьшей степени согласуется с «решительным прочтением» Витгенштейна, однако, мы не поддерживаем и альтернативный, «трансценденталистский» подход к этой теме. Мы полагаем, что в той картине мира, которую образуют ранние тексты Витгенштейна, не существует ни выделенной сферы религиозных (этических, эстетических) смыслов и ценностей, ни сферы собственно фактической. Обе «сферы» намечены в «Логико-философском трактате» лишь в методическом ключе (для того, чтобы подвести к «правильному видению мира»). Кратко это можно пояснить следующим образом: в «Логико-философском трактате» Витгенштейн говорит: «Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира»¹. И здесь стоит обратить внимание на слово «понимаю»: дело в том, что мир и язык в пределах только логики

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958. 5.62.

вообще не может быть понятен, а то, что нам совершенно непонятно, для нас просто не существует. Поэтому мир, который мы понимаем, с необходимостью включает в себя не только факты в логической структуре, но и нелогические ценности и смыслы, что и будет показано в данной работе. Мы надеемся показать, что «нейтральный мир фактов», представленный в «Трактате», можно считать фикцией, а точнее — методической условностью, позволяющей различить в целостной картине мира как структурированное логикой происходящее, так и нелогическое ценностно-смысловое содержание, притом, что в реальном понимании мира эти два уровня составляют единое целое.

В соответствии с нашим походом исчезает болезненная альтернатива двух полярных позиций, одна из которых вообще исключает нелогические ценности и смыслы, оставляя лишь ценностно-нейтральный «чертеж реальности»; а другая ищет особое «вместилище» для них. Мы предлагаем рассматривать тексты Витгенштейна с учетом указанной целостности, фиксируя нелогические смыслы и ценности² не в изолированной от фактов области, а на уровне нашего понимания жизни.

Выделим еще одну особенность предлагаемого метода, сопоставив его с достаточно популярной *холистической* интерпретацией «Трактата», согласно которой простейшие элементы языка следует понимать, исходя из целого. С одной стороны, мы полностью разделяем мысль, что выявление логических элементов языка предполагает уже состоявшееся понимание сказанного, т. е. целое в познавательном отношении первично по отношению к своим элементам. Однако при таком подходе ускользает специфический характер логической структуры, стирается то, ради чего все затевалось. А именно, игнорируется то обстоятельство, что язык в пределах только логики оказывается совершенно бессмысленным, полностью исключает понимание, т. е. исключает как раз то, ради чего он функционирует как язык. Требование вернуть языку его основную функцию и ведет к возврату смыслов туда, откуда они были искусственно и методически изъяты анализом логической структуры. Для демонстрации упомянутой особенности логической структуры (непонятности языка, взятого в рамках логической структуры) мы предпринимаем ход, обратный холистическому: мы идем не от фактов к объектам,

² Нефактические смыслы и ценности невозможно строго определить или разграничить, поэтому мы попытаемся контекстуально подвести к тому, что могут означать эти выражения, с учетом того, что четкой грани между ними не существует.

и не от готового и понятного языка к его логическим элементам, а, наоборот, от элементов логической структуры пытаемся продвинуться к фактам и к живому пониманию языка.

Начнем анализ с демонстрации несводимости идей «Трактата» к логическому атомизму Рассела, что позволит сразу выделить стержневые, принципиальные особенности подхода Витгенштейна.

2. Рассел и Витгенштейн о логической структуре языка. Знание «по знакомству» и «простые объекты»

Б. Рассел, и, следом за ним, Витгенштейн, стремятся зафиксировать формальную структуру логически совершенного языка, которая позволила бы избавиться от бессмысленных утверждений и вопросов. С этой целью они выделяют в языке атомарные предложения, соответствующие простейшим ситуациям (атомарным фактам). Атомарные факты (как и предложения) раскладываются на неделимые элементы, которые представляются необходимым условием истинного описания реальности. Рассел называет эти элементы «объектами непосредственного знакомства»³, Витгенштейн говорит о необходимости существования «простых объектов», без которых «было бы невозможно построить образ мира (истинный или ложный)»⁴.

В таком, самом общем виде, многое сходится, однако при ближайшем рассмотрении проявляются кардинальные различия в подходах Рассела и Витгенштейна. Покажем наиболее очевидные различия, сосредоточившись на онтологических эквивалентах простейших имен: на «объектах непосредственного знакомства» (Рассел) и «простых объектах» (Витгенштейн).

Рассел выделяет четыре вида «объектов по знакомству». Первые два вида мало чем отличаются от «простых впечатлений» в трактовке Д. Юма, они имеют чувственный характер (например — красное, холодное, шершавое), могут непосредственно восприниматься, или быть идеальными копиями простейших восприятий. Возможности сочетаний простейших качеств ничем не ограничены, Рассел не вводит никаких особых требований к их комбинациям. «Простые объекты» по Витгенштейну — напротив, не имеют чувственного характера, они ненаблюдаемы («бесцветны»), и, кроме того, обладают «логической формой»,

³ *Russell B.* The Problems of Philosophy. New York: Oxford University Press, 1997. P. 47.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 2.0212.

определяющей и ограничивающей все мыслимые возможности «вхождения объекта в факт»⁵.

Следующий вид — *объекты интроспекции*. Рассел полагает, что наблюдение внешних объектов сопровождается непосредственным осознанием того, что эти объекты даны «мне»: я ощущаю горячее или холодное, сладкое или кислое и т. п. Для Витгенштейна подобная постановка вопроса, как и вся тема «интроспекции» была бы бессмысленной: он старательно избегает связывания «я» с миром вот таким, традиционным для новоевропейской философии, способом.

Последний вид — «универсалии»: например, восприятие отдельных белых предметов позволяет сформировать понятие-универсалию о белизне как таковой. При этом первичными элементами мыслимой реальности полагаются, опять же, простейшие чувственные впечатления, а не сами абстрактные идеи.

Очевидно, «универсалии» тоже нельзя отождествлять с «простыми объектами», поскольку универсалии, по Расселу, вторичны по отношению к чувственным впечатлениям, а «простые объекты» «Трактата», напротив, первичны по отношению всему мыслимому и наблюдаемому⁶. Форма «простых объектов» определяет только логические условия наблюдения (и наблюдаемого): «Нельзя представить точку в пространстве без того, чтобы она имела какой-то цвет. Тон должен иметь какую-то высоту. Предмет осязания — какую-то плотность»⁷. Таким образом, Витгенштейн усматривает в логике только форму мыслимой реальности, оставляя место для нелогических компонентов понимания мира. Для Рассела вопрос понимания мира (происходящего в мире) решается автоматически: из отдельных чувственных качеств сами собой складываются идеи, несущие обычный для естественного языка смысл.

Для нашего анализа все эти различия принципиальны, поскольку они позволят очертить задачу, актуальную именно для Витгенштейна. Мы надеемся показать, что Витгенштейн, в отличие от Рассела, раскрывает не только универсальность логики, но и ее ограниченность: предложенный в «Трактате» метод обнаруживает, что логика является необходимым, но недостаточным условием понимания и описания мира. Для Витгенштейна логика есть универсальная форма языка и мира, Рассела же

⁵ Там же. 2.0141.

⁶ За исключением того, что предшествует логике (см.: *Витгенштейн. Логико-философский трактат*. 5.552).

⁷ Там же. 2.0131.

больше заботит универсальное исчисление: «*lingua characterica*», а не «*calculus ratiocinator*». Такая ограниченность, впрочем, не помешала Расселу постулировать «строгий параллелизм между языком и миром»⁸, благодаря чему «он счел возможным использовать методы логического анализа языка для раскрытия глубинной структуры реальности»⁹. Витгенштейн, скорее всего, осознавал ключевой изъян подобного подхода: универсальный язык, где значение прояснено лишь указанием условий истинности, подобен машине, про которую, говоря словами Даммита, «довольно хорошо известно, как она устроена, но мы не знаем, как пустить ее в ход»¹⁰.

3. Трудности интерпретации «простых объектов»

Проблема корреляции мира и языка в «Трактате» напрямую связана с вопросом соответствия имен в предложениях и «простых объектов» логической структуры. Очевидно, что в естественном употреблении языка имена всегда сообщают больше, чем могут сообщить наиболее общие логические формы, о которых шла речь выше.

В каком же смысле можно говорить о соответствии «простых объектов» именам в предложениях? Обладают ли «простые объекты» чем-то таким, что могло бы, при их «соединении» в факты, образовать нечто, доступное пониманию? Иначе говоря, образовать то, что мы называем «фактом» в обычном словоупотреблении?

В «Трактате» нет прямых ответов на такие вопросы. Явным образом Витгенштейн указывает лишь на то, что каждый атомарный факт образован в соответствии с логической (априорной, трансцендентальной) необходимостью, продиктованной *формой* составляющих его «простых объектов». Однако, такая необходимость, как можно убедиться, не имеет ничего общего с той, которая подразумевается в реалистических интерпретациях языка.

Покажем это на классическом примере предложения «кошка на рогожке». Допустимо ли считать это предложение образом факта¹¹, в котором выражения «кошка» и «рогожка» сопостав-

⁸ *Макеева Л. Б.* Язык, онтология и реализм. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 31.

⁹ Там же. С. 31.

¹⁰ *Даммит М.* Что такое теория значения? // *Философия, логика, язык.* М.: Прогресс, 1987. С. 128.

¹¹ Здесь и далее мы не будем учитывать нюансы, различающие в «Трактате» «атомарные факты», «факты», «ситуации», «положения дел», «комплексы». Для нашего исследования эти различия не существенны, поскольку

лены «простым объектам»? По всей видимости, да, но с некоторыми существенными оговорками: если предложение «кошка на рогожке» есть образ факта в логической структуре, то в этом качестве, взятое изолировано, оно не допускает привнесения в него какой-либо дополнительной информации, предполагающей уже готовое, естественное для нас представление о том, что такое «кошка» и что такое «рогожка». Как логический факт приведенный случай будет состоять только в том, что некий пространственный объект находится в определенном положении по отношению к другому пространственному объекту. В этом смысле факт «кошка на рогожке» не будет отличаться от факта «курица на насесте» (кроме того, что эти факты и составляющие их объекты *различны*. Если кошку мы рассматриваем как «простой объект», она ничем не будет принципиально отличаться от курицы, поскольку все, что она подразумевает в качестве элемента логической структуры, тождественно тому, что подразумевает курица, и все прочие существа, взятые как «простые объекты».

Если же мы займемся описанием самой кошки, тогда она сама предстанет как множество фактов: и кошка, и курица, и прочие существа с необходимостью подразумевают различные сочетания протяженности, плотности, цветности и т. п. Но больше ничего не может подразумеваться в пределах логической структуры, поэтому (и здесь холизм прав) к этой структуре возможно подойти только «снаружи», выделяя ее в живой материи языка, в уже состоявшемся понимании предложения. Сначала мы имеем дело с *понятным* предложением, и только затем мы условно дробим его на простые, далее неразложимые элементы. При этом дроблении на логические составляющие кошка перестает быть кошкой в обычном понимании и становится набором простых формальных качеств, связанных с пространством, временем, плотностью, цветностью и т. п. Единственное, что может тогда отличить одно существо от другого, — это числовые показатели. Тогда вместо знакомых нам существ мы получим нечто вроде их математических моделей (при условии, что числовые показатели могут учитываться логической структурой).

При этом все *конкретные* характеристики кошки, курицы и прочих объектов будут *случайными*. Случайными будут как конкретные случаи реализации отдельных «логических характеристик» (степень, интенсивность, оттенок и т.п.), так и их кон-

результат (бессмысленность предложений на уровне только логики) сохраняется на всех уровнях логической структуры.

кретные сочетания (*такая* плотность некоторого объекта может сопровождаться, а может и не сопровождаться *таким* его цветом, *такой* его протяженностью, и т.п.).

Именно в этом смысле мир *«распадается»* на независимые факты: «Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым»¹². Например, «логическое пространство» не запрещает кошке быть красной или синей, поскольку на уровне логики «кошка» есть лишь случайное сочетание различных, не связанных между собой качеств (плотности, формы, цвета и т.п.), каждое из которых реализуется в столь же случайных числовых показателях (*такая* плотность, *такой* цвет, *такая* протяженность и т. п.).

Таким же образом, логическая структура в «Трактате» не предусматривает необходимости для курицы иметь оперенье и нести яйца: изменив числовые показатели цвета, размера, плотности и т. п., мы можем мысленно «превратить» курицу в коршуна, кошку или рыбу, не нарушая логической формы «простых объектов». Необходимыми будут только характеристики, связанные с пространством, цветностью и прочими логическими формами: курица должна иметь какой-то цвет, какую-либо форму, какую-либо плотность, она не может находиться сразу в двух местах, быть больше, и одновременно, меньше какого-либо другого объекта и т.п.

Строго говоря, никаких кошек и куриц (как и прочих существ или предметов) в логической структуре, конечно, не существует: на уровне логической структуры кошка от курицы, человек от прикроватной тумбочки и прочие предметы и существа отличаются, в лучшем случае, только *количественно*, а этого явно недостаточно для понимания подобных имен. Поэтому «превращение» курицы в коршуна или рыбу есть, конечно, лишь условная иллюстрация, которая должна лишь показать, что логическая структура не запрещает «растягивать», «сжимать», «уплотнять», «осветлять», «затемнять» любые объекты. Соответственно, когда мы выделяем эти объекты, называем их «кошкой» или «рыбой», мы уже привлекаем нечто такое, что не определено логической структурой.

Все это наводит на мысль, что сама по себе логическая структура недостаточна для конструирования и понимания предложений языка. Условно можно, конечно, представить редукцию *уже понятной* наблюдаемой ситуации к простейшим элементам, атомарным фактам и простым объектам, но что-то должно дополнять

¹² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 1.21.

логическую структуру, чтобы это предварительное понимание происходящего могло состояться. Что же это?

4. Перформативное измерение «Трактата». Смыслы и ценности как условие понимания мира

Произведенный анализ логической структуры показывает, как мог бы «выглядеть» мир в пределах только логики. Мы убедились, что в этих пределах он никак не выглядит, поскольку на уровне только формальных характеристик невозможно что-либо понять или распознать. Мир в логической структуре, взятый в чистом виде, не имеет вообще никаких очертаний, он не может быть обнаружен, поскольку не может быть понятен. Даже пятно в поле зрения может быть обнаружено лишь при условии, что понятие «пятна» включает в себя не только «рассыпающиеся» простейшие элементы, но и нечто необходимое, скрепляющее эти качества в некоторое единство, которое мы можем назвать «пятном». Логические элементы не могут обеспечить понимание картины мира: ни «простые объекты», ни «атомарные факты», ни «комплексы», поскольку в «Трактате» нет оговорок, что на каком-то этапе укрупнения логической конструкции проявляются *дополнительные* требования к связи элементов этой конструкции. Наоборот, Витгенштейн настаивает, что все происходящее случайно, т.е., случайны *все* факты, в любых сочетаниях.

Витгенштейн не оговаривает, что в таком виде понимание мира не может состояться, поэтому сошлемся на очевидность того, что без связующего «клея», без устойчивой *нелогической* связи, элементы логической структуры никогда не образуют мир, доступный пониманию, или даже простому наблюдению. Соответственно, любые предметы нашего обихода могут быть распознаны только за счет того, что дополняет логическую структуру, сообщая определенным комбинациям качеств устойчивость и необходимость¹³.

¹³ Пока мир выглядит как ничего не значащий чертеж, легко представить любую форму этого чертежа; пока всякий факт задан как случайный набор простейших качеств, легко представить, что эти качества произвольно меняются в своих комбинациях, подобно тому, как меняется картинка в калейдоскопе. Если, допустим, речь в «Трактате» идет о логических возможностях, то, очевидно, никакая логическая возможность не ставит ограничений всем прочим логическим возможностям: все логические возможности равноправны. Однако, реальный мир, описанный таким образом, не может быть понятен. На уровне понимания естественного языка, дело обстоит совершенно иначе: произвольное и хаотичное изменение фактов на этом уровне далеко не безобидно, и может повлечь такое искажение

То, что может полагаться *неслучайным*, Витгенштейн называет смыслом и ценностью, видимо, их и следует считать недостающим звеном, обеспечивающим понятность мира и языка. Однако Витгенштейн настаивает, что все, что делает факты неслучайными, невыразимо, и находится вне мира, вне языка, вне фактов. Как же разрешить это противоречие?

По всей видимости, есть только один пусть согласования: абсолютные смыслы, накрепко привязанные к языковым выражениям, не могут быть высказаны *отдельно*, в отрыве от реального употребления языка. Спаянность нелогических смыслов и ценностей с фактами в логической структуре означает, что мы не можем отделить нелогического содержания предложений от их логической структуры и высказать его отдельно, в качестве философской теории: устройство языка таково, что мы всегда будем говорить о случайных фактах, хотя все высказывания будут содержать в себе, в том числе, и нелогические смыслы или ценности¹⁴.

Здесь есть дополнительная сложность, связанная с неоднородностью нелогических аспектов языка: нужно уточнить, что помимо предложений о фактах существуют собственно этические или философские предложения, именно такие предложения Витгенштейн называет бессмысленными. Например, предложения «человек по природе зол», «природа добра прекрасна», «все имеет свою причину» «мыслю, следовательно, существую» не описывают факты, в отличие от предложений «чашка стоит на столе», «страус бежит быстрее человека» и т. п. Таким образом, можно условно выделить два уровня нелогических смыслов (или ценностей): на первом уровне располагаются те нелогические смыслы и ценности, которые обеспечивают определенность мыслимых или наблюдаемых предметов и существ, т. е., обеспечивают понимание предложений о фактах. Ценности и смыслы второго уровня заключены в отношении к происходящему, т. е. эти смыслы ответственны за понимание ценности жизни, значимости определенных обстоятельств жизни.

Смыслы, обеспечивающие распознавание предметов и понимание предложений о фактах, назовем, отдавая дань древней

картины мира, которое затруднит или вовсе уничтожит понимание этой картины. На том уровне, где происходит реальное понимание мира и языка, функционируют уже необходимые смыслы. Поскольку мы не можем понимать мир, в котором курица в любой момент может превратиться в черепаху, а на яблоне вырастет голова быка.

¹⁴ Подобные идеи разрабатывались Витгенштейном в более поздних работах, однако можно заметить, что и ранняя интерпретация языка неявно содержит именно такой посыл.

традиции, «сущностями». Курица, например, мыслится как существо, с необходимостью имеющее оперенье и несущее яйца, и эта необходимость связывает набор случайных качеств в некоторую «сущность».

Классическая метафизика стремится освоить именно этот, сущностный уровень смыслов: во всяком случае, вопрос о реальности и происхождении сущностей вещей определенно является философским. И вот здесь становится актуальным тезис Витгенштейна о невыразимости абсолютных сущностей в языке и бессмысленности всех философских предложений: «сущность» любого мыслимого объекта заключена в самом способе мыслить эти объекты и не может быть изъята оттуда для анализа. Например, сущность курицы «вшита» в доступное пониманию описание курицы, однако, эта сущность не может быть высказана отдельно от этого описания. Нельзя вытащить из описания курицы то единство качеств, которое делает ее именно курицей, и обсуждать это единство *отдельно* от уже состоявшихся в естественном языке предложений. Всякое философское предложение о «сущности» будет, в силу устройства языка, подчиняться законам логической структуры, а это означает, что логика будет неминуемо «расщеплять» любое утверждение о сущности, превращая сущность в случайность (точнее, в ряд контингентных логических возможностей). Более того, вырванный из естественного контекста смысл сам собой перестанет существовать, его нельзя сохранить в «новой оболочке», в новой лингвистической конструкции (в философском предложении). При этом, не поддающийся философскому анализу смысл, делающий курицу именно курицей, естественным образом присутствует во всех обычных предложениях, в которых она упоминается.

Другой уровень нелогических смыслов и ценностей — собственно этический или эстетический (для Витгенштейна «этика и эстетика — едины»¹⁵). Этические или эстетические предложения (как и философские, метафизические) являются, с точки зрения Витгенштейна, «псевдопредложениями», поскольку они не выражают ничего фактического. Такие языковые конструкции, как «нет ничего, превыше чести», «ложь — безнравственна» выражают уже не факты, а *отношение* к фактам. Подобным образом функционируют поэтические метафоры, изобразительные и музыкальные формы и т. п. Специфику собственно этических ценностей Витгенштейн выразил в «Лекции об этике»: они имеют отношение к правильному образу жизни, к тому, что ценно или

¹⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 6.421.

важно, к тому, что «делает жизнь стоящей»¹⁶. Такие ценности тоже должны проявиться на фоне искусственно выхолощенной, нейтральной картины мира, хотя в данном случае можно условно допустить, что эта нейтральная картина отчасти уже понятна на «сущностном» уровне. Иными словами, нивелирование собственно этических смыслов и ценностей не мешает нам распознавать объекты, изменится только отношение к ним. Например, отношение к человеку или собаке может быть трепетным или безразличным, но в обоих случаях сохраняется способность отличить собаку от человека (что означает, как мы убедились, участие в мысли «метафизических», устойчивых смыслов). Поэтому фоном для собственно этических и эстетических смыслов может считаться не «исчезающий» мир элементов и конструкций логической структуры, а нейтральный, безразличный мир предметов и существ, в котором «все происходит так, как происходит», где «все факты равноценны». Именно такой мир, в котором «убийство ничем не отличается от падения камня», становится в «Трактате» точкой отсчета для собственно этического измерения.

Витгенштейн, как можно понять, допускает градуирование ценности, когда говорит о «возрастании» и «убывании» мира как целого: «Если добрая и злая воля изменяет мир, то она может изменить только границу мира, а не факты, не то, что может выражаться в языке. Короче говоря, при этом условии мир должен вообще стать совсем другим. Он должен, так сказать, уменьшаться или возрасти как целое. Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного. В «Дневниках» есть важное уточнение: мир изменяется, «как при присоединении или утрате того или иного смысла»¹⁷. Очевидно, что для подобных изменений мира необходима некая условная «платформа»: если градус смысла меняется, то эти изменения могут быть зафиксированы только относительно устойчивой, неподвижной основы, которая и будет представлена условно взятым безразличным миром фактов.

Все эти замечания о характере нелогических смыслов и ценностей, о возможности разных уровней понимания и т.п., не должны, конечно, пониматься как некая теория. Поэтому важно не то, как мы это назовем, а то, как мы это увидим. Для этого, в частности, и производится в «Трактате» анализ «логической

¹⁶ Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 239.

¹⁷ Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. / М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. С. 126.

структуры», очерчивающий границы мыслимого не «извне», а «изнутри» выразимого в языке.

Важно *увидеть*, что именно в нашем понимании мира отличает данную нам реальность от абсурда. И тогда должно стать очевидным, что смыслы и ценности, наряду с логикой, обеспечивают саму возможность понятных, осмысленных высказываний о происходящем, однако ни логика, ни смысл, ни ценность не могут быть высказаны «сами по себе», «отдельно» от предложений естественного языка. «Язык не может изображать то, что само отражается в языке. Мы не можем выразить языком то, что само выражается в языке»¹⁸.

Заключение

Радикализация характеристик «логической структуры» языка позволила предположить, что согласно замыслу «Трактата», нелогические смыслы и ценности функционируют на всех уровнях описания мира, в том числе, и на уровне фактов, если иметь в виду факты в обычном словоупотреблении. «Мир, распадающийся на факты в логической структуре» — это методическая условность, фикция, поскольку ни один факт (как и соответствующее ему языковое выражение) не может быть понят на уровне только логических элементов и структур, без участия некоторого устойчивого смысла или ценности.

Нелогические смыслы («сущности») обеспечивают распознавание объектов, что, очевидно, является необходимым условием осмысленности языковых выражений. Этические или эстетические ценности определяют соответствующее отношение к миру, которое проявляется в различении добра и зла, прекрасного и безобразного, в одобрении, признании, выборе и т. п. Методическая ценность концепта «фактов в логической структуре» состоит, в данном случае, в том, что в выхолощенном виде «мир фактов» оказывается нейтральной основной (условной, конечно), относительно которой можно фиксировать изменение этического или эстетического отношения к миру, к жизни, к тому, что происходит.

Радикализация «логической структуры» позволила также уточнить положение «Трактата» о невыразимости абсолютных смыслов и ценностей: нечто абсолютное, несводимое к логическим элементам неизбежно присутствует в содержании предложений, но его невозможно выразить отдельно от описаний происходяще-

¹⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 4.121.

го. Логическая форма является необходимым каркасом каждого осмысленного предложения, поэтому описание сущности или ценности без нее, независимо от фактов, в которых она растворена, не получит никакого онтологического эквивалента и не сможет обеспечить какой-либо «образ реальности».

